

Мария Семиколенных

Учение Платона об ораторском искусстве в изложении Виссариона Никейского

MARIA SEMIKOLENNYKH

PLATO'S TEACHING ON ELOQUENCE IN BASILIOS BESSARION'S RECONSTRUCTION

ABSTRACT. The paper deals with the Plato's "teaching" on eloquence as it has been "reconstructed" by Basilios Bessarion in his *In Calumniatorem Platonis*. Bessarion has introduced Plato as both an outstanding orator and the creator of a teaching on eloquence, master and tutor of many a public speaker never surpassed himself by any of his disciples. Plato is conceived as a "god of philosophers", his writings as a paragon of eloquence, which makes them an ideal for philosopher's speech aimed at bringing to light the true meaning of things.

KEYWORDS: Basilios Bessarion, Plato, rhetoric, Renaissance.

Виссарион Никейский (1403 или, что более вероятно, 1408–1472) по праву может считаться выдающимся деятелем эпохи Ренессанса¹. Уже в юности он прославился как талантливый оратор и глубокий знаток философии, а в 1438 году стал одним из шести ораторов-представителей Православной церкви на Ферраро-

© М.В. Семиколенных (Санкт-Петербург). maria.semikolennykh@gmail.com.

¹ Среди многочисленных источников биографических сведений о Виссарионе в первую очередь следует назвать очерк Л. Лабовски для «Биографического словаря итальянцев» (Labowsky 1967) и диссертацию Ж. Мартин, содержащую подробный рассказ о периоде жизни Виссариона, предшествовавшем участию в Ферраро-Флорентийском соборе и, в частности, о полученном им образовании (Martin 2000).

Флорентийском соборе². Ближе познакомившись во время пребывания в Италии со схоластической мыслью, прежде всего с сочинениями Фомы Аквинского, он постепенно пришёл к убеждению в обоснованности позиции латинян и стал одним из самых горячих сторонников унии церквей. Это не снискало ему популярности на родине, и Виссарион эмигрировал в Италию, где в декабре 1440 года принял кардинальские инсигнии. До самой смерти он оставался заметной фигурой на церковно-политической арене. Выдающийся гуманист, он возглавлял инициированную папой Евгением IV работу по переводу на латынь греческих рукописей и покровительствовал многим учёным-гуманистам своего времени (см., например, Reynolds & Wilson 1991: 150). Именно он стал одним из первых учёных греков, открывших для интеллектуалов Запада философию Платона, и активнейшим участником так называемого «спора платоников и аристотеликов», развернувшегося в 1453–1469 годах³. В ходе этой полемики и было создано его знаменитое сочинение «Против клеветника Платона» (*In Calumniatorem Platonis*)⁴, ставшее ответом на написанный ранее (в 1458 году) трактат «Сопоставление Аристотеля и Плато-

² Изложение истории Ферраро-Флорентийского собора см. Gill 1959; об изменении отношения Виссариона к позиции латинян (Gill 1959: 168–169, 224–225, 397); о поддержке им и другими учёными греками унии церквей (Gill 1959: 255).

³ Одно из самых полных и последовательных изложений истории «спора платоников и аристотеликов» см. Hankins 1990. См. также Monfasani 1976, 2012.

⁴ Первая версия ИСР была написана Виссарионом в 1458–59 годах по-гречески, но, поскольку предназначалась она в первую очередь для латиноязычной аудитории, то в 1466 году он подготовил и обнародовал её перевод на латынь (озаглавленный *Liber Defensionum Contra Obiectiones in Platonem*). Однако его не удовлетворило качество перевода, и он обратился за помощью к своему бывшему секретарю Никколо Перотти, чтобы тот отредактировал перевод, и уже эта (существенно дополненная) версия была в 1469 году издана под заглавием *In Calumniatorem Platonis*. Сочинение Виссариона оказалось настолько популярным, что в 1503 году Альд Мануций подготовил новое издание, переизданное его наследниками в 1516 году. Наконец, Людвиг Молер во втором томе своего трёхтомника (Mohler) опубликовал критическое издание первоначальной греческой версии трактата, а также новое издание латинского текста 1469 года (ср. Monfasani 2008: 3–5). Ни на один из современных европейских языков

на» (*Comparatio Aristotelis et Platonis*) другого византийского экс-патрианта, Георгия Трапезундского⁵.

Рассказывая о том, что побудило его взяться за перо, Виссарион признаётся, что с нетерпением ждал появления сочинения (с автором которого его некогда связывали узы дружбы), и тем тяжелее оказалось постигшее его разочарование: «Но, прочитав книгу, я обрел (как говорится) вместо сокровищ, на которые надеялся, угли, и, обманутый в своём желании, ничего не получил, кроме насмешек, и унижений, и брани в адрес Платона. Ибо эта книга была до такой степени ими набита, что напоминала старую комедию, и все когда-либо написанные комедии превзошла, и я, изумлённый, поразился новизне такой вещи. <...> И подумал я, что Платону (превосходство учения и образа жизни которого, конечно, таково, что глупейшая и совершенно несправедливая дерзость речи может помешать ему не больше, чем лёгкое облачко скрыть блистающее великолепие солнца) следует помочь»⁶. В своём сочинении Виссарион не только дал довольно подробное изложение взглядов Платона по многим вопросам, пояснил положения платоновской философии и поместил их в широчайший контекст как античной мысли и патристики, так и схоластики, но и привёл обширные цитаты из произведений платоновского корпуса, ранее на латынь не переводившихся.

Виссарион выстраивает трактат, последовательно отвечая на обвинения, выдвинутые Георгием Трапезундским в «Сопоставлении», а его главная задача — оправдать Платона в глазах читателей. Первым выпадом Георгия, утверждавшего, будто Платон

ICP ещё не переводился (насколько мне известно, Эва Дель Сольдато (University of Philadelphia) работает в данный момент над его переводом на итальянский).

⁵ Существует единственное издание трактата Георгия (*Comparationes*, 1523). Множественное число в заглавии (*comparationes* вместо *comparatio*) является ошибкой издателя. Трактат был изначально написан по-латыни, поскольку целью Георгия было предупредить латинян об опасности увлечения философией Платона (Monfasani 1976: 212).

⁶ *Tum etiam Platoni succurrendum cui tametsi propter doctrinam morumque praesentiam non magis obesse linguae procacitas potest, quam tenuis nubecula radiantem solis splendorem obscurare* (ICP I, 1).

«был чужд всем наукам», стало указание на то, что тот «не изложил письменно принципов какого-либо искусства», то есть не оставил систематического изложения своих философских взглядов⁷. Опровергая это обвинение, Виссарион (в согласии с традицией) заявляет, что Платон намеренно не оставил подробного изложения «высочайших тайн», но в том, что касается менее возвышенных предметов, был довольно красноречив, введя в своих диалогах «многие преподобнейшие правила всех благих наук и учений» (*plurima atque utilissima omnium bonarum artium et disciplinarum praecepta*).

В данной работе мы обратимся к первой предпринятой Виссарионом на страницах *In Calumniatorem Platonis* попытке реконструкции таких «правил»: реконструкции «учения Платона об ораторском искусстве»⁸.

⁷ Sed quoniam ad ostendendum Platonis ignorantiam praecipuum hoc argumentum adversarius affert, quod nulla artium praecepta sicut Aristoteles fecit pro communi omnium utilitate conscripserit; et hac maxima ratione invehitur in Platonem ignarumque omnium scientiarum conatur ostendere (ICP I, 2). Главы первой книги «Сопоставления» раскрывают утверждение Георгия (*Comparationes. I, 2*), будто в отличие от Аристотеля «Платон и все платоники были сильны лишь словами и украшательством сочинения, а [знания] вещей существенных лишены» (*Plato platonicique omnes verbis et loenocinio compositionis solum valuerunt, rebus penitus nudi sunt*), последовательно сопоставляя заслуги двух философов в области риторики, логики, натурфилософии, математики, метафизики и моральной философии. В частности, возмущаясь предположением, будто Платон превосходит Аристотеля красноречием, Георгий риторически вопрошает (*Comparationes. I, 3*): «Где Платон учил об изобретении ораторского искусства? Где передал правила составления речи?» (*Ubi de inventione rhetorica Plato docuit? Ubi elocutionis praecepta tradidit?*).

⁸ Хотя трактат *In Calumniatorem Platonis* уже давно привлекает внимание исследователей, мало кто занимается изучением конкретных аргументов Виссариона, использовавшихся им в полемике с Георгием (из известных мне только работы Дж. Монфасани и Э. Дель Сольдато посвящены непосредственно детальному анализу аргументации, приводимых автором цитат, суждений авторитетов и т.п.). Однако именно убедительная аргументация Виссариона обеспечила его сочинению популярность у современников и сделала его одним из самых важных текстов раннеренессансного платонизма. Поэтому кажется интересным разобрать один из первых «сюжетов» его «апологии» Платона, показав,

С тем, что Платон — великий знаток грамматики, не спорит и сам Георгий Трапезундский, который, «может быть невольно и неохотно», признаёт за Платоном и «подбор слов, и стройность речи, и то, что поэтами и прочими писателями называется опытностью и учёностью»⁹. Однако при этом противник Виссариона заявляет, что «Платон никогда не говорил о науке красноречия», а его стиль «был простым и ближе природе, чем искусству»¹⁰. На это Виссарион отвечает, что у Платона есть письменное изложение самых сокровенных основ подлинного красноречия, которые гораздо важнее «вступления, изложения, разделения, доказательства, повторения, заключительного слова, цветистости слога и стиля»¹¹, — то есть, можно сказать, всего того, что составляло предмет средневековых руководств по риторике. Все эти сведения можно почерпнуть из заключительной части диалога «Федр» (257с–279с), фрагменты которого Виссарион переводит для своих читателей¹².

Приведём основные тезисы этого рассуждения в той послед-

как именно он представляет философа древности своим читателям, завоёвывая их внимание и расположение.

⁹ *Atqui adversarius ipse nolens fortasse atque invitus hoc idem probat. <...> Profecto necesse est ut et delectum vocabulorum concedat et structuram orationis et eorum quae a poetis et caeteris scriptoribus dicuntur usum atque eruditionem* (ICP I, 4). Георгий (*Comparationes* I, 2) и в самом деле замечает: «Как мне кажется, Платон и все платоники так наделены даром красноречия, изысканностью и стройностью выражений, что я утверждал бы, что если бы сама природа смогла и пожелала воспользоваться человеческой речью, то в делах сообразных умению спокойно рассуждать она бы обратилась ни к какой иной [речи], как к платоновской» (*Qualis mihi Plato, platonisque omnes videntur Suisse, elegantia enim et compositione verborum, sic eloquentes sunt, ut naturam ipsam, si posset et vellet, humana uti oratione, non alia quam Platonica, in rebus quieto generi accomodatis, id facturam contenderim*).

¹⁰ *Nunquam Platonem de rhetoricae disciplina aut eius aliqua parte locutum afferit et genus dicendi quo usus fuit simplex esse et natura potius, quam arte contextum* (ICP. I, 4).

¹¹ *exordium, narratio, divisio, argumentatio, repetitio, peroratio, exornatio, elocutio* (ICP I, 4).

¹² Перевод этих фрагментов с греческого на латынь был выполнен самим Виссарионом и отредактирован Никколо Перотти. О значении, которое Висса-

довательности, в которой они появляются в *In Calumniatorem Platonis*. Цель искусства речи, по Платону, — убедить слушателя в том, что желанно оратору. Тот, кто желает обмануть другого, не впадая при этом в заблуждение, должен знать истину, а не гоняться за мнениями — в противном случае его речь не будет достаточно убедительной. Следовательно, ему следует точно определять, к какому роду относится предмет, о котором он говорит. Ему надлежит овладеть двумя умениями: способностью возводить к единой идее разрозненное, с одной стороны, и способностью разделять всё на виды, — с другой. Тех, кто овладел этими умениями, следует называть диалектиками. Есть ли помимо диалектики «нечто прекрасное», также относящееся к искусству речи? Да, это то, что называется «тонкостями искусства»: разделение речи на части, приличествующая предмету, но не чрезмерная её пространственность и т.п. «технические» подробности (которым, как правило, и посвящены средневековые учебники риторики).

Необходимым условием для того, кто желает преуспеть в любом из великих искусств, является «исследование природы вещей возвышенных», и для оратора это в первую очередь — исследование души. Изучив разные виды человеческих душ и разные виды речей, этим душам соответствующих, он будет способен определить, «какими речами какой человек даст себя убедить», и когда какую речь можно будет произнести вовремя и кстати.

Итак, вот, по мнению Виссариона, самая суть искусства красноречия: она в том, «чтобы верно познавать сходства и различия вещей и нигде в них не ошибаться, — что является [признаком] острого ума. [В том, чтобы] познавать природу вещей благих, честных и истинных и сообразовывать ум с теми, с какими следует, чтобы мы яснее всего знали бы, к какому роду причисляется то, что мы будем говорить, и не пребываем ли мы в неведении относительно определения этого; и можем ли мы многое

рион придавал своим переводам, см. Del Soldato 2012: 117–118. О совместной работе Виссариона и Никколо Перотти над переводом см. Monfasani 2011.

в одном правильно соединять, одно на многие части разделять, и понимаем ли, каким слушателям какая речь годится или не годится. Вот что прежде всего создаёт истинного оратора»¹³. Именно этому, как пишет Виссарион, по-видимому, отсылая к известному фрагменту «Риторики» (Риторика I, 3), научился у Платона Аристотель, именно этим он «намного опережает писавших до него»¹⁴, как знаток искусства красноречия уступая лишь своему учителю¹⁵.

Разумеется, Аристотель — не единственный платоновский ученик: Платон, как показывает Виссарион, порывает с предшествующей традицией, отказываясь подражать созданным «Горгием, Тисием, Антифонтом, а также Лисием и Исократом» правилам ораторского искусства и дополнять их. Однако при этом он являлся «усерднейшим наставником ораторов и исполнял эту обязанность, как подобало философу»¹⁶. Среди его учеников Виссарион называет Исея, Эсхина, Демосфена, Ликурга Афинского и Гиперида: им Платон сумел передать своё учение, без которого риторика есть не что иное, как «упражнение, лишённое разуме-

¹³ Haec aut sunt similitudines rerum ac dissimilitudines recte cognoscere nusquam in his errare quod peracuti ingenii est. Rerum bonarum honestarum verarum naturam nosse et iis accommodare rationem, quae sequitur ut quam celerrime animadvertamus ad quod genus referatur, quod dicturi sumus neque eius definitionem ignoremus multa in unum recte colligere unum in plura dividere possimuset quae oratio, quibus auditoribus conveniat aut non conveniat intelligamus. Haec sunt quae in primis verum oratorem constituent (ICP I, 4).

¹⁴ Quibus longe caeteros qui ante eum scripserant antecessit (ICP I, 4).

¹⁵ Здесь надо сказать, что, хотя «Риторика» Аристотеля переводилась ещё в XIII веке Германом Немецким (Толедо, Hermannus Alemannus), присовокупившим к почти полному переводу комментарии Аверроэса и некоторые фрагменты Авиценны и Аль-Фараби, а затем Вильгельмом из Мёрбеке, широкого распространения эти переводы не получили (Murphy 1981: 91–101). Поэтому новый перевод, выполненный в 1440-х гг. Георгием Трапезундским, открыл для интеллектуалов Запада Аристотеля как учителя риторики (пусть это сочинение и рассматривалось сквозь призму освящённой временем традиции Цицероновой риторики) (Mack 2011: 47).

¹⁶ oratorum tamen praeceptor diligentissimus fuit et id munus, ut philosophum decebat, exercuit (ICP I, 4).

ния» (*usus expers rationis*). В подтверждение своих слов Виссарион ссылается на Элия Аристиды, который «называет [Платона] достойным почтения отцом и учителем ораторов» (*patrem ac magistrum oratorum eum venerabundus appellet*) и обращается к нему в следующих словах: «Ты ли, подобный — не говорю ‘превосходящий’ — тому Нестору, из уст которого текла речь слаще мёда, и которому, как я легко поверил бы, уступают сирены, столь прославленные песнями, ты ли, повторяю, обвиняешь и осуждаешь других, если они хорошо говорят?»¹⁷

Это возвращает нас к вопросу о тонкостях и частностях риторического искусства: по мнению Виссариона, Платон был их глубоким знатоком, и лучшее подтверждение тому — сами его сочинения. Вот, например, ещё одно обвинение Георгия: в болтливости и пустословии¹⁸. Но разве, — спрашивает Виссарион, — в только что представленном читателю фрагменте «Федра» суть искусства красноречия не изложена ясно и кратко, тогда как Аристотель пишет о тех же самых предметах пространно и многословно? Дело, разумеется, не в длине или краткости речи (отразив выпад соперника, Виссарион тут же отмечает, что многословие никак нельзя поставить Аристотелю в упрёк, поскольку хорошая речь может быть и долгой, и краткой — главное, чтобы форма отвечала содержанию), а в её истинности и убедительности, и здесь Платону нет равных.

Говоря о совершенстве языка Платона, Виссарион обращается к сочинению Гермогена из Тарса «О риторических идеях»: этот выбор не случаен, поскольку переводчиком на латынь корпуса

¹⁷ Tu ne qui Nestori illi cuius ex ore melle dulcior fluebat oratio similis es, ne dicam praestantior, cui sirenes illas tot carminibus celebratas facile cessuras crediderim; tu ne inquam alios siquid suaviter dicunt accusas atque reprehendis? (ICP I, 4).

¹⁸ Действительно, Георгий укоряет Платона в том, что желая нечто доказать, он обрушивает на читателя множество слов, запорашивая ими глаза, словно мякиной, и ослепляя, чтобы скрыть, что в его речи смысла мало — или его и вовсе нет: Sed peritior forsitan mente raptis Plato videtur, quia loquacior, cum enim multitudine verborum magis atque ornato, probare quod velit, conetur, paleis redundat et ex nitore culinorum oculos amentium perstringit, frugis aut nihil aut parum retinet (Comparationes I, 3).

сочинений Гермогена, на протяжении нескольких веков (VI–XV вв.) бывшего для византийских ораторов таким же авторитетом, как Цицерон — для латинян [Davis 2005: 195], был как раз Георгий Трапезундский [Mask 2011: 40–41]. Гермоген разбирает три рода красноречия: судебное (*forensis*), лучшим представителем которого был Демосфен, поэтическое (*poetica*), в котором первенствовал Гомер, и, наконец, эпидейктическое или излагающее (*demonstrativa*), лучшие образцы которого можно найти в платоновских диалогах, причём «что в эпидейктическом красноречии самое прекрасное, то говорится речью Платона, что же является речью Платона, то можно назвать прекраснейшим в эпидейктическом красноречии»¹⁹.

Гермоген перечисляет достоинства платоновского стиля: его величие, ясность, живость, исключительное остроумие и стройность, — и самое главное из них: знание того, как следует говорить в любых конкретных обстоятельствах, обращаясь к самым разным слушателям и рассуждая о всевозможных предметах. Затем он обращается к вопросу о трёх стилях речи: высоком (*sublimis*), простом (*tenuis*) и среднем (*moderatus*), — и показывает, что Платон умело пользовался ими всеми, каждый раз сообразуя свою речь с избранным предметом. К высокому стилю он прибегал, говоря о возвышенном и божественном, о высшем благе и самых глубоких истинах. К простому — когда писал «о законах, торговых сношениях, земледелии и других вещах того же рода»²⁰, подчас исследуя «некоторые мелочи так дотошно, что кажется, что они стоят прямо перед глазами»²¹. Средний же стиль оставлял для рассуждений «о нравах, о честности, о добродетели, о счастье, о цели человеческой [жизни]»²².

¹⁹ et quod in genere demonstrativo pulcherrimum est id Platonis orationem dicere, quod vero Platonis oratio est id pulcherrimum in demonstrativo genere licet affirmare (ICP I, 4).

²⁰ de legibus... de commerciis et agricultura et aliis huiusmodi rebus (ICP I, 4).

²¹ res quasdam minutas ita accurate pertractat ut eas plane ante oculos constituere videatur (ICP I, 4).

²² de moribus, de honesto, de virtute, de felicitate de fine hominis (ICP I, 4).

Непонимание этого, — заметет Виссарион, — изобличает невежество Георгия Трапезундского, вздорность обвинений которого доказывает, что тот пребывает об учении переводившегося им Аристотеля (и, как видно из сказанного выше, Гермогена) в не меньшем неведении, чем об учении Платона.

Ещё одно обвинение Георгия заключается в том, что склад речи (*stilus*) Платона «всегда один и тот же, везде себе подобен и создан природой, а не искусством»²³.

Что касается противопоставления природного дарования и мастерства, приобретаемого в ходе усердных упражнений, то Виссарион для начала ссылается на свидетельства неких «учёных современников Платона», утверждавших, что «такой была его забота о подборе слов и построении рассуждения, что он многократно одно и то же сочинение изменял и переписывал, убирая одни вещи, добавляя другие»²⁴. Но, замечает Виссарион, если мы признаем, что красотой речи Платон был обязан лишь врождённому таланту, то не следует ли признать его дарование божественным? Если же он столь преуспел благодаря «искусству, усердным занятиям и неусыпной заботливости», то это ли не повод им восхищаться?

Против того, что во всех своих диалогах Платон соблюдает единство склада речи, Виссарион не возражает, но не считает это недостатком. «Всякую материя, — говорит он, — [Платон] исследует так, чтобы исследовать и обдумать истину, сущность и до-

²³ Unus, inquit adversarius, idemque semper est Platonis stilus ubique sui similis natura factus non arte" (ICP I, 4). Cp. Comparationes I, 3: Sed uno atque eodem modo, quando de deo immortali, quando de natura, quando de moribus, quando de republica ejusque legibus, quando de praestantibus viris, quando de improbis, quando de motu, materia que separatis, effundatur atque decurrat, perspicuum facit, non ratione ac studio, id est observatio ne artificiosa, verum aut natura quadam, aut in considerate exercitatione, omnia Platonis conscripta fuisse.

²⁴ adeoque et delectum verborum et rationem compositionis illi curae fuisse ut saepenumero eadem scripta mutarit atque rescripserit demptis aliis allis additis (ICP I, 4). По-видимому, речь идёт о сохранившем Диогеном Лаэртским свидетельстве Евфориона и Панэтия о том, что «начало "Государства" было найдено записанным на много ладов» (Диоген: 147).

стоинство любой вещи»²⁵: ведь в этом заключается долг философа, так как исследование и нахождение истины — сущность философии. Однако мысль и речь об истине всегда проста. Платон же, «всегда искавший истинный смысл вещей и подходящий стиль и вид речи, не позволял себе касаться ничего с собой не сходного или себе противоречащего»²⁶. А если сходным вещам подобает сходный склад речи, то такое единство стиля — лучшее свидетельство истинности речи Платона, который в каждой вещи искал истину и стремился изложить её «[слогом] возвышенным, сдержанным, благородным, соразмерным, кротким, спокойным, ясным, с достоинством и красотами стиля, приличествующими истине и усердному изучению философии, которой, конечно, никогда никто совершеннее Платона не понимал»²⁷.

В подтверждение своих слов Виссарион приводит суждение Цицерона о речи философов: «Речь философов расслаблена, боится солнца, она чужда мыслей и слов, доступных народу, она не связана ритмом, а свободно распущена; в ней нет ни гнева, ни ненависти, ни ужаса, ни сострадания, ни хитрости, она чиста и застенчива, словно невинная дева» (Оратор 19 (64)), — противопоставляя, таким образом, искусственность в тонкостях риторики простоте и ясности прекрасной речи об истине. В связи с этим любопытно обратить внимание на скромный укор Виссариона Аристотелю: тот прибегал к разным складам речи, «что, безусловно, лицемерно, хотя он и был правдив» (*quod plane falsum est etsi verum esset*).

Таков, вкратце, рассказ Виссариона Никейского об учении Платона о красноречии: он представляет собой ряд реплик диалога с Георгием Трапезундским, причём Виссарион не просто стре-

²⁵ De omni materia ita tractat ut veritatem cuiusque reris essentiam, honestatem investiget ac contempletur (ICP I, 4).

²⁶ Sed Plato veram ubique rerum rationem et genus modumque dicendi aptum secutus nihil sibi dissimile aut diversum contingere passus est (ICP I, 4).

²⁷ [dicendi genere] gravi, modesto, honesto, aequali, leni, quieto, dilucido cum dignitate et ornamentis convenientibus veritati ac studio philosophiae, quae certe nemo unquam Platone perfectius est affectus... (ICP I, 4).

мится опровергнуть суждения Георгия, но и использует те же самые тексты, на которые опирается его противник. Виссарион стремится доказать, что, прекрасно зная «технику» ораторского мастерства, Платон отыскал нечто большее — самую суть красноречия, о которой он поведал своим ученикам, и это даёт ему право называться подлинным создателем ораторского искусства.

Источники

- Диоген — Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Под ред. А.Ф. Лосева; пер. М.Л. Гаспарова. Москва: Мысль, 1986².
- Оратор — Марк Туллий Цицерон. Об ораторе // Марк Туллий Цицерон. Три трактата об ораторском искусстве / Под ред. М.Л. Гаспарова. М.: Наука, 1972. С. 75–252.
- Риторика — Аристотель. Риторика / Пер. О.П. Цыбенко. Под ред. О.А. Сычева, И.В. Пешкова // Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000. С. 5–148.
- Федр — Платон. Федр // Платон. Собрание сочинений в 4-х т. Т. 2 / Под ред. А.Ф. Лосева, В.Ф. Асмуса, А.А. Тахо-Годи. Москва: Мысль, 1993. С. 135–191.
- Comparationes — Georgius Trapezuntius. Comparationes philosophorum Aristotelis et Platonis. Venecia: Penzio, Giacomo, 1523 [= Frankfurt a.M.: Minerva, 1965].
- ICP — Quae hoc in volumine tractantur Bessarionis cardinalis Niceni [et] Patriarchae Consta[n]tinopolitani *In calumniatore[m] Platonis libri quatuor; eiusdem Correctio librorum platonis de legibus Georgio Trapezuntio interprete eiusdem De natura [et] arte aduersus eundem Trapezuntiu[m] tractatus index eorum omnium quae singulis libris pertractantur. Venetiis: in aedib. Aldi Romani, 1503.*
- Mohler — Mohler, Ludwig Arnold. Kardinal Bessarion als Theologe, Humanist und Staatsmann: Funde und Forschungen. 3 Bde. Aalen: Scientia Verlag; Paderborn: F. Schöningh, 1923–1942; 1967². Bd. 2 (1927): Bessarionis in calumniatorum Platonis libri IV / textum Graecum addita vetere versione Latina primum edidit L. Mohler.

Литература

- Davis 2005 — *Davis J.B.* Hermogenes of Tarsus // *Classical Rhetorics and Rhetoricians: Critical Studies and Sources* / Ed. by M. Baliff, M.G. Moran. Westport, Conn.: Praeger, 2005. P. 194–202.
- Del Soldato 2012 — *Del Soldato E.* Illa litteris Graecis abdita: Bessarion, Plato, and the Western World // *Translatio Studiorum: Ancient, Medieval and Modern Bearers of Intellectual History* / ed. by M. Sgarbi. Leiden: Brill, 2012. P. 109–121.
- Gill 1959 — *Gill J.* The Council of Florence. Cambridge: Cambridge University Press, 1959.
- Hankins 1990 — *Hankins J.* Plato in Italian Renaissance. Vol. 1. Leiden: Brill, 1990.
- Labowsky 1967 — *Labowsky L.* Bessarione // *Dizionario Biografico degli Italiani*. Vol. 9. Rome, 1967. P. 686–696.
- Mack 2011 — *Mack P.* A History of Renaissance Rhetoric, 1380–1620. Oxford: Oxford University Press, 2011.
- Martin 2000 — *Martin J.* Cardinal Bessarion, mystical theology and spiritual union between East and West (Dissertation). University of Manitoba: Winnipeg, Manitoba, 2000.
- Monfasani 1976 — *Monfasani J.* George of Trebizond: A Biography and a Study of His Rhetoric and Logic // *Columbia Studies in the Classical Tradition*. Vol. 1. Leiden: Brill, 1976.
- Monfasani 2008 — *Monfasani J.* A Tale of Two Books: Bessarion's *In Calumniatorem Platonis* and George of Trebizond's *Comparatio Philosophorum Platonis et Aristotelis* // *Renaissance Studies. Journal of the Society for Renaissance Studies*. Vol. 22. No. 1 (2008). P. 1–15.
- Monfasani 2011 — *Monfasani J.* Niccolò Perotti and Bessarion's *In Calumniatorem Platonis* // *Niccolò Perotti: the Languages of Humanism and Politics* / Ed. by Marianne Pade and Camilla Plesner Horster. *Renæssanceforum*. Vol. 7 (2011). P. 181–216.
- Monfasani 2012 — *Monfasani J.* Bessarion Scholasticus: A Study of Cardinal Bessarion's Latin Library. Turnhout: Brepolis, 2012.
- Murphy 1981 — *Murphy J.J.* Rhetoric in the Middle Ages: A History of Rhetorical Theory from Saint Augustine to the Renaissance. Berkeley: University of California Press, 1981.
- Reynolds & Wilson 1991 — *Reynolds L.D., Wilson N.G.* Scribes and Scholars. A Guide to the Transmission of Greek and Latin Literature. Oxford: Clarendon Press, 1991³.